СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
Александр Шаг
Изольда, я слышу тебя
18+

Александр Шаг

Изольда, я слышу тебя!

«Автор»
2026

Шаг А.

Изольда, я слышу тебя! / А. Шаг — «Автор», 2026

Я не психолог. Не судья. Не учитель. Я просто описываю Изольду. О том, как она молчит в постели. Как устаёт, но продолжает. Как смотрит в зеркало и не узнаёт себя. Как любит, когда уже нет сил. Как держит всё на себе и не просит помощи. Я ничего не советую. Ничему не учу. Просто описываю. Если в этих описаниях кто-то узнает себя — я буду рад. Если хоть одной женщине станет легче — значит, время потрачено не зря. Это не роман. Не психология. Просто разговор о ней.Изольда, я слышу тебя.

© Шаг А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1Извини 5
2 живая 8
3 хобби 11
4 сквирт 14
5 бесит 18
6 радует 20
7 выбирает 23
8 хаус 26
9 возраст 29
10 спонтаность 32
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Александр Шаг
Изольда, я слышу тебя!

1Извини

Глава 1

Почему он всегда извиняется первым

Голоса

«Поругались. Я на эмоциях наговорила гадостей. Он молча выслушал, потом подошёл, обнял и сказал: „Прости меня“. За что? Это же я истеричка. А он извиняется. И мне от этого ещё хуже»

«Он всегда просит прощения первым. Даже когда я понимаю, что виновата сама. Сначала это умиляло. Теперь бесит. Почему он не может сказать: „Ты была неправа“? Почему я всегда хорошая, а он всегда виноватый?»

«Мой муж извиняется за всё. За погоду. За то, что я споткнулась. За то, что у меня настроение плохое. Это не забота. Это что-то другое. Как будто он заранее прогибается, лишь бы не было скандала»

«Говорят, прощения просит не тот, кто виноват, а тот, кто больше дорожит. Но когда он извиняется за мой косяк — я чувствую себя дурой. Или стервой. И уважение к нему куда-то уходит»

О чём это говорит

Женщины смотрят на это и не понимают. Одних это трогает. Других бесит. Третьи теряют уважение. Но почти никто не видит настоящей причины.

Они думают: он слабый. Боится. Прогибается. Не умеет стоять на своём.

А правда в другом.

Когда мужчина извиняется первым — это редко про слабость. Чаще — про силу. Про силу, которая не кричит о себе. Которая не меряется, кто больше прав. Которая выбирает мир, а не войну. Не потому что войну не выиграть. А потому что с ней не хочется воевать.

Он извиняется не перед той, кто накричала. Он извиняется перед той, кого любит. Перед той, с кем хочет проснуться завтра. Перед той, чьё молчание для него страшнее любого скандала.

Он знает: ей трудно сказать «прости» первой. Не потому что она гордая или злая. А потому что её так научили. Ей сто раз говорили: «Ты хорошая девочка, ты не могла так поступить». И она выросла с ощущением, что ошибаться — это стыдно. Что признать вину — значит разрушить себя. Что её правота — это её броня.

И он не ломает эту броню. Он просто делает шаг первым. Показывает: смотри, это не страшно. Это просто слова. Я не стал меньше, когда сказал «прости». И ты не станешь.

Он открывает дверь. Она входит. Не сразу. Но входит.

Автор

Я извиняюсь первым. Всегда. Даже когда не виноват.

Иногда я просто обнимаю её. Утыкаюсь носом в её волосы. Вдыхаю запах. И уже хочу извиниться. Даже не понимая за что. Мне плевать. Лишь бы она улыбалась, смотря в мои глаза.

Это не слабость. Это огромная сила.

Сила — не в том, чтобы доказать свою правоту. Сила — в том, чтобы выбрать её улыбку вместо своей победы.

Я не боюсь её. Не прогибаюсь. Не теряю себя. Я просто знаю: мир с ней важнее любого спора. Её смех стоит дороже, чем моя гордость.

Я вижу, как она потом подходит. Утыкается носом в плечо. Говорит: «Прости и ты меня». И я знаю — она искренне. Ей просто нужно было время. И пример.

Я не приползаю. Я не унижаюсь. Я открываю дверь.

А если я виноват — я извиняюсь первым, потому что это по-мужски. Не перекладывать. Не ждать. Не мериться обидами. Сказал — сделал — пошёл дальше.

Меня так научил отец. Не словами. Молчанием. Я видел, как он после ссоры с мамой садился рядом, брал её за руку и говорил: «Ну прости дурака». Даже когда мама была неправа. Я не понимал тогда. Думал — он слабак. А теперь понимаю: он просто любил её больше, чем свою правоту. И она это знала. Поэтому прожили вместе сорок лет.

«Я люблю её больше, чем свою правоту»

Это не слабость. Это выбор. Осознанный. Взрослый.

И ещё. Я знаю, что она умеет извиняться. Просто не первой. Она извиняется потом. Когда остынет. Когда увидит, что я не нападаю. Когда поймёт, что её не осуждают. И её «прости» — оно настоящее. Не из страха. Не из вежливости. Из сердца.

«Она извиняется. Но потом. После меня»

И пользуясь случаем. Изольда. Извини меня. За что — ты знаешь. Если не знаешь — придумай. Но всё равно извини. За тот раз, когда я был неправ. За то, что иногда молчу, когда надо говорить. За то, что не всегда замечаю, как ты устала.

Ты извинишься потом. После меня. Я знаю.

Но мне не нужны твои извинения. Больше всего на свете мне нужна ты.

Цитаты из главы

«Я люблю её больше, чем свою правоту»

«Она извиняется. Но потом. После меня»

«Я не приползаю. Я не унижаюсь. Я открываю дверь»

«Мир с ней важнее, чем победа в ссоре»

«Изольда, извини меня. Ты знаешь за что»

«Он открывает дверь. Войди»

«Но мне не нужны твои извинения. Больше всего на свете мне нужна ты»

Что с этим делать

Женщина, если ты читаешь это и узнаёшь своего мужчину — того, кто всегда извиняется первым, — не теряй к нему уважение. Он не слабый. Он сильный настолько, что может отложить свою гордость ради тебя.

Но и ты не будь в долгу. Если он сделал шаг — сделай свой. Не через день. Не через два. Сегодня. Подойди, обними, скажи: «Я тоже была неправа». Ему не нужно длинное объяснение. Ему нужно, чтобы ты увидела его шаг и ответила.

И тогда это не он прогнулся. Это вы встретились посередине.

Голоса после

«Прочитала и заплакала. Мой муж всегда извиняется первым. Я думала — он тряпка. А он просто любит меня больше, чем я думала»

«Показала мужу. Он прочитал, улыбнулся и сказал: „Ну наконец-то ты поняла“. И мы оба засмеялись. Впервые за долгое время»

«Теперь, когда он извиняется первым, я не злюсь. Я говорю: „И ты меня прости“. И мы оба выдыхаем»

Итог

Мужчина извиняется первым не потому, что виноват. А потому, что не хочет терять время на войну, когда можно жить в мире.

Он открывает дверь. Войди.

2 живая

Глава 2

Грязная. Голодная. Живая.

Голоса

«Я хочу, чтобы он взял меня за волосы и не спрашивал. Но сказать это вслух — как признаться, что я не хорошая. Что во мне живёт другая. Грязная. Голодная. Я молчу уже три года. И с каждым разом всё труднее начать»

«Мне 34, муж, ребёнок. В постели — как в библиотеке. Тихо, культурно, по расписанию. Я хочу, чтобы он просто взял и сделал. Без этих „тебе удобно?“, „не устала?“. Но сказать это — значит расписаться в том, что я какая-то неправильная»

«Мне нравится. Но без окончания в рот. Потому что мерзко. А ему обидно. И мы опять молчим»

«Я боюсь, что если скажу — он посмотрит на меня иначе. Как на шлюху. А я не шлюха. Я просто хочу по-другому. Разве это делает меня плохой?»

«После десяти лет брака я так и не научилась говорить. Проще имитировать, чем объяснять. Стыдно. Дико стыдно. Как будто я в чём-то виновата»

О чём это говорит

Это не личная поломка. Это наследие. Ей передали его по женской линии, как передают серебро или форму носа. Мать молчала. Бабушка молчала. Прабабушка вообще не знала, что можно хотеть. Они все были хорошими. Удобными. Тихими. Их желания умирали в них, не родившись, и они считали это нормой. Как считают нормой шрам или родинку — просто есть, и всё.

И вот она — наследница этой тишины. Женщина, у которой есть желания, но нет языка. Тело знает, чего хочет. Оно мокнет, сжимается, требует. Рот не умеет произнести. Между телом и ртом — стена из стыда. И она разбивается об эту стену каждую ночь.

Стыд — это не про секс. Стыд — это страх, что, узнав её настоящую, он уйдёт. Не от неё. От той картинки, которую он полюбил. От той женщины, которую он видит днём — с чашкой кофе, с улыбкой, с планами на выходные. А она так боится разрушить эту картинку, что согласна годами смотреть в потолок и молчать. Согласна быть удобной мёртвой куклой вместо живой женщины.

Автор

Я не спрашиваю. Я делаю.

Я просто беру её. Без разрешения. Без «тебе удобно?». Потому что знаю — она этого хочет. Она не скажет. Слова застревают у неё в горле, как кость. Но тело врёт хуже, чем слова. Её тело орёт. Оно выгибается навстречу. Оно мокнет. Оно дрожит. И я слышу. Я читаю его, как слепой читает шрифт Брайля — пальцами, кожей, дыханием.

Я узнаю её в экстазе. По тому, как она выгибается дугой, отрывая лопатки от простыни. По тому, как сбивается дыхание — сначала часто, как у загнанного зверя, потом редко, глубоко, с хрипом. По тому, как пальцы впиваются в мою спину, оставляя красные полосы — её подпись на мне. Вот тогда я знаю — попал. Вот тогда я продолжаю. Вот тогда я не останавливаюсь, пока она не закричит.

Сейчас Изольда кричит. Громко. Так, что соседи стучат по батарее. «Да, любимый, да». И я не стесняюсь. Я называю её своей шлюшкой. Потому что в постели она моя шлюшка. Грязная. Голодная. Живая. В ней просыпается та, кого она прячет днём под костюмом, под макияжем, под вежливой улыбкой. И я люблю эту тайную женщину не меньше, чем явную.

А в жизни — моя императрица.

И я не путаю. В постели я трахаю шлюшку. Утром подаю кофе императрице. Это не лицемерие. Это уважение к обеим. К той, что хочет, чтобы её взяли грубо, без спроса, до хруста. И к той, что хочет, чтобы её носили на руках и целовали в лоб.

В ней живут обе. И я люблю обеих.

Многие мужики боятся. Боятся назвать жену шлюхой в постели. Вдруг обидится. Вдруг не так поймёт. Вдруг завтра предъявит. И поэтому молчат. И поэтому трахают жену как фарфоровую куклу — аккуратно, медленно, лишь бы не разбить. А она лежит и думает: «Блядь, ну возьми же меня уже по-настоящему. Я не фарфор. Я женщина. Я не разобьюсь».

Я не боюсь. Потому что знаю разницу. Шлюшка — это роль. На час. На ночь. На время, пока мы оба звери. А когда звери наелись — возвращаются люди. И я целую свою императрицу в лоб и говорю: «Ты охуенная». И она улыбается. Потому что знает — я люблю её любую. И ту, что кричит. И ту, что молчит. И ту, что стесняется. И ту, что просит ещё.

Что с этим делать

Для неё.
Начни не с разговора. С тела. Когда он выйдет из душа, просто положи руку ему на грудь. Не на плечо. Не на спину. На грудь. Туда, где сердце. Задержись дольше обычного. На три секунды. Посмотри в глаза. Выдохни. Это уже разговор. Твоё тело скажет больше, чем сто слов.

Если рот не открывается — напиши. Открой заметки в телефоне. Напиши одно желание. Одно. Самое простое. Не отправляй. Просто сформулируй для себя. Дай своему желанию слова. Когда у желания есть слова — оно перестаёт быть стыдной тенью. Оно становится частью тебя. Его можно показать.

Для него.
Перестань спрашивать «тебе удобно?». Она не знает, что ответить. Она хочет, чтобы ты просто взял и сделал. Не насильно. Уверенно. Как мужик, который знает, чего хочет, и не боится этого.

Если боишься назвать её шлюхой — начни с малого. «Ты такая грязная сегодня». Шёпотом. На ухо. Посмотри на реакцию. Если зрачки расширились, если дыхание сбилось — продолжай. Если напряглась — отступи и поговори потом. Но попробуй. Иначе так и будете спать в библиотеке.

Для обоих.
Договоритесь о стоп-слове. Одно слово, которое значит «стоп, это уже не игра». Всё остальное — игра. В игре можно быть кем угодно. Шлюхой. Императрицей. Зверем. Богиней. Кем захотите. Потому что когда есть стоп-слово — есть свобода. Свобода быть грязной и не бояться. Свобода быть грубым и не чувствовать вины.

Цитаты из главы

«В постели она моя шлюшка. А в жизни — моя императрица»

«Тело врёт хуже, чем слова. Её тело орёт. И я слышу»

«Я не путаю. В постели я трахаю шлюшку. Утром подаю кофе императрице»

«В ней живут обе. И я люблю обеих»

«Звери наелись — возвращаются люди»

«Я не фарфор. Я женщина. Я не разобьюсь»

«Когда есть стоп-слово — есть свобода»

Итог

Женщина молчит не потому, что ей нечего сказать. А потому, что ждёт, когда мужик перестанет бояться. Перестанет спрашивать. Перестанет относиться к ней как к фарфору.

Она хочет, чтобы её взяли. Назвали шлюхой. А утром подали кофе.

И если ты, мужик, это умеешь — она будет кричать для тебя. Громко. Искренне. По-настоящему.

А что бы ты позволила себе, если бы знала, что он не осудит? Что он ждёт этого? Что он устал от фарфора и хочет настоящую?

P.S.

Изольда, если ты это читаешь: я перестал спрашивать. Кофе на тумбочке. Императрица.

3 хобби

Глава 3

Её хобби. Моё увлечение. Наше дыхание

Голоса

«Он никогда не интересовался тем, что мне нравится. Говорил: это бабское, это скучное, это не для меня. А потом я перестала рассказывать. И мы стали чужими. Не из-за измены. Из-за того, что нам не о чем говорить»

«Мой муж высмеивает мои увлечения. Свечки я делаю — „повелительница потных подмышек“. Мыло варю — „королева мыловарни“. При родне. При друзьях. Говорит: я же шучу, ты юмора не понимаешь. А я не понимаю, когда юмор направлен на моё унижение»

«У нас с мужем интересы разные. Он в гараж, я в книгу. Он в компьютер, я гулять. Раньше думала — и ладно, у каждого своё. А сейчас лежим в одной кровати и молчим. Не потому что поругались. Просто не о чем говорить»

«Зачем тогда парень? Только для секса? Проще купить вибратор, а общаться с подругами. Мне важно, чтобы было что-то общее: музыка, фильмы, хобби. Если этого нет — я с ним даже общаться не буду»

«Раньше меня бесило, что он вечно за компом. А потом мы купили второй. И теперь играем по сети вместе. Я не думала, что меня это увлечёт. Но когда мы вместе — даже в игре — это другое. Это про нас»

О чём это говорит

Женщины пишут об этом с болью. Одни молчат годами. Другие пытаются — и натыкаются на насмешки. Третьи сдались и живут как соседи. Четвёртые нашли общее — и держатся за него, потому что это единственное, что осталось.

Общее хобби — это не про занятие. Это про «мы». Про то, что вам есть о чём говорить, когда секс закончился, дети уснули, а до пенсии ещё двадцать лет. Про то, что вы смотрите в одну сторону, а не в разные углы.

И когда этого нет — брак превращается в коммуналку. Два человека, один холодильник, одна кровать. Разные жизни.

Автор

Я ненавидел ходить по магазинам. Серьёзно. Для меня это было наказание. Хуже только стоять в пробке или ждать, пока закипит чайник, когда очень хочется пить.

С предыдущими женщинами это был ад. Она заходит в примерочную. Я стою снаружи как идиот. Держу её сумку. Переминаюсь с ноги на ногу. Смотрю на часы каждые тридцать секунд. Она выходит, крутится перед зеркалом. «Ну как?» Я говорю: «Нормально». Она обижается. Заходит обратно. И так по кругу. Три часа. Ради одной кофточки, которую она потом вернёт.

Я думал, со мной что-то не так. Что я просто не создан для этого. Что мужик и шопинг — две параллельные вселенные.

А потом появилась Изольда.

И я понял: дело не в шопинге. Дело в женщине.

С Изольдой я полюбил ходить по магазинам. Я сам не заметил как. Сначала просто перестал смотреть на часы. Потом начал подавать ей вешалки. Потом стал говорить: «Вот это тебе пойдёт, примерь». Потом начал ходить с ней в примерочную и сидеть там на пуфике, пока она меряет. Потом мы стали обсуждать фасоны, цвета, ткани. Я узнал, что такое «оверсайз», «кроп-топ» и «пастельные тона». Я стал разбираться в женской одежде.

Мне нравится, как она это делает. Как тщательно выбирает. Как прикладывает вещь к себе и хмурится. Как проводит рукой по ткани, проверяя качество. Как выходит из примерочной и смотрит на меня — не на себя в зеркало, а на меня. И ждёт.

И когда я говорю: «Обалденно. Берём», — у неё загораются глаза. Она улыбается так, будто я подарил ей не кофту, а звезду с неба.

Мне нравится её счастливый вид. То, как она крутится перед зеркалом. Как поправляет волосы. Как примеряет одну вещь, потом другую, потом снова первую. Я могу смотреть на это часами. Потому что она красивая. Особенно когда увлечена. Особенно когда ей хорошо.

Может, всё дело в любви? Может, с вами просто не та женщина? Может, вы стоите снаружи примерочной и злитесь не потому, что шопинг — это скучно, а потому, что вам неинтересна та, кто внутри?

С Изольдой мне интересно всё. Даже то, что я раньше ненавидел.

Её хобби стали моим увлечением. Её мир стал моим воздухом. Её радость стала моей жизнью.

Она любит Полозкову и Джио Россо — теперь я знаю их стихи наизусть и мы спорим о рифмах. Она любит готовить — теперь я её главный дегустатор и помощник по нарезке. Она любит фильмы ужасов — теперь я знаю всех маньяков и мы орём на экран вместе с ней. Она любит долго выбирать продукты в супермаркете — теперь я кайфую от того, как она читает состав на упаковке.

Я не менялся. Я не ломал себя. Я просто полюбил её — и всё, что связано с ней, стало моим.

Спасибо тебе, Изольда. За это. За то, что показала мне мир своими глазами. За то, что сделала мою жизнь ярче, вкуснее, интереснее. За то, что теперь у меня есть хобби, о которых я даже не подозревал.

Да что говорить. Даже обосрать соседа мы с Изольдой перевели в суперхобби и добились очень больших высот. Это теперь не просто «ой, какой дурак». Это целый ритуал. Мы садимся на диван, наливаем чай и начинаем. У нас есть персонажи. У нас есть сюжеты. У нас есть любимые темы. Мы обсуждаем соседа сверху, который сверлит в восемь утра, с такой страстью, будто пишем сценарий для сериала. Сосед даже не подозревает, какой он источник вдохновения.

И знаете, это смешно. Но это наше. И это тоже любовь.

Цитаты из главы

«Дело не в шопинге. Дело в женщине»

«Может, с вами просто не та женщина?»

«Я не менялся. Я просто полюбил её — и всё, что связано с ней, стало моим»

«Спасибо тебе, Изольда. За то, что показала мир своими глазами»

«Даже обосрать соседа мы перевели в суперхобби и добились очень больших высот»

«Её мир стал моим воздухом»

Итог

Совместное хобби — это не про занятие. Это про «мы». Про то, что вам хорошо вместе, даже когда вы просто выбираете кофту или обсуждаете соседа.

Если вам скучно с ней в магазине — может, дело не в магазине? Может, вы просто не с той женщиной?

С той женщиной интересно всё. Даже стоять снаружи примерочной. Даже читать стихи. Даже смотреть ужасы.

Потому что с той женщиной ты дышишь одним воздухом. И этот воздух — твоя жизнь.

А у вас есть ваше общее? То, что вы делаете вместе и от чего вам обоим хорошо? Если нет — может, пора найти?

P.S. Изольда, если ты это читаешь: «Никогда себе не лгала — у тебя и это не получилось». Это Полозкова. «Девять писем из Гокарны». Я выучил. С выражением. Гордись.

4 сквирт

Сквирт

Голоса

«Пять лет вместе. Секс есть. Но какой-то… одинаковый. Я уже знаю, что он сделает через минуту. И он знает, что я сделаю. Мы не скучаем. Но и не горим. Это норма? Или я просто зажралась?»

«Я боюсь предлагать что-то новое. Вдруг он подумает, что мне не хватает того, что есть. Вдруг обидится. Вдруг решит, что я извращенка. А я просто хочу попробовать. Не с кем-то. С ним»

«Раньше я думала: вот встречу того самого — и секс всегда будет fireworks. Ага. Через три года — по расписанию. В субботу утром. Миссионерская. Пять минут. Спасибо, дорогой. И что с этим делать?»

«Мы случайно попробовали кое-что новое. Просто заигрались. И я кончила так, как не кончала никогда. Трясло всю. Он испугался сначала. А потом мы оба смеялись как дети. И теперь не можем остановиться экспериментировать. Оказывается, всё это время мы просто не знали друг друга по-настоящему»

О чём это говорит

Женщины боятся. Боятся предлагать. Боятся, что их не поймут. Боятся, что секс стал пресным — и это конец любви.

А правда в том, что пресным он становится не потому, что любовь прошла. А потому, что вы перестали исследовать друг друга. Решили, что знаете всё. Что карта составлена и белых пятен не осталось.

Но тело — это не карта. Это живой материк. Он меняется. Растёт. Открывает новые земли. Если вы готовы их искать.

Автор

С другими женщинами всё тухло.

Сначала — огонь. Новое тело. Новые стоны. Новые привычки. Интересно. А через месяц, через два — всё. Потолок. Я знал, как она дышит перед оргазмом. Знал, куда нажать, чтобы ускорить. Знал, когда она притворяется.

И я начинал представлять. Звёзд эстрады. Актрис. Соседку из квартиры напротив. Кого угодно, лишь бы завестись. Лишь бы почувствовать что-то ещё.

Многие говорят: годы вместе — это нормально, что секс становится пресным. Это выживание. Это привычка. Это жизнь. Ты просто закрываешь глаза, представляешь Монику Белуччи и делаешь своё дело. Все так живут.

Но это неправда.

Это не норма. Это капитуляция. Это когда вы перестали искать друг друга. Когда решили, что всё знаете. Когда сдались.

С Изольдой — наоборот.

Каждый раз — как первый. Я не знаю, как это объяснить. Я не колдун. Не психолог. Не бог секса. Просто с ней мне не нужны фантазии. Не нужны чужие лица. Не нужны звёзды.

Я смотрю на неё — и завожусь. Просто от того, как она поправляет волосы. Как кусает губу. Как смотрит на меня через стол. У нас нет «субботы по расписанию». Мы можем начать в три ночи, потому что я проснулся и захотел её. Можем среди дня. Можем не спать до утра, а потом пить кофе и смеяться.

Каждый раз я открываю её заново. Каждый раз она другая. То нежная, как первый снег. То злая, как бешеная кошка. То игривая. То уставшая, но всё равно моя. И я хочу её любую.

Вот мы только что закончили. Час. Я был в ней час. Она кричала. Стонала. Царапала спину. Кончала, кончала, кончала. Мы лежим. Дышим. Восстанавливаем дыхание. Казалось бы — всё. Предел. Выше некуда. Мы оба выжаты.

И вдруг — мою руку тянет вниз.

То ли ангел, то ли дьявол. Я не знаю. Она сама движется. К её сокровенному. Я не планировал. Я даже не думал. Просто пальцы уже там. Внутри.

И она вздрагивает.

Глаза распахиваются. В них — удивление. Не страх. Удивление и голод. Они горят. Я вижу, как расширяются зрачки. Как она задерживает дыхание. Как приоткрывает рот.

Я начинаю двигать пальцами. Медленно. Она стонет. Не так, как час назад. По-другому. Глубже. Гортаннее. Её бёдра поднимаются навстречу. Она хватается за простыню. Костяшки белеют.

— Что ты делаешь… — шепчет она.

Я не отвечаю. Я сам не знаю. Просто рука живёт своей жизнью.

Движения ускоряются. Она дышит часто-часто. Глаза закатываются. Тело начинает дрожать. Сначала мелко, потом крупнее. Она кусает губу. Из горла вырывается звук — не стон, не крик, что-то между.

И вот — сквирт.

Она взрывается. Не телом — вся. Её выгибает дугой, и из горла вырывается крик, которого я никогда раньше не слышал. Не стон наслаждения, не вскрик страсти — что-то глубже, древнее, почти звериное. Её бьёт в экстазе, как молния в одинокое дерево. Разряд. Пауза. Снова разряд. Она хватает ртом воздух, будто вынырнула с глубины, где провела целую вечность. Внутри неё всё пульсирует, сжимается, отпускает и снова сжимается — ритм, который невозможно подделать, который не сыграть по сценарию.

Из неё льётся. Горячее. Много. Простыни мокрые насквозь, и это не смущает, не пугает — это завораживает. Потому что это не просто жидкость. Это её свобода, которую она так долго прятала. Её расслабление, которое она не могла себе позволить ни с кем до меня.

Я смотрю на неё и думаю: я готов отдать годы жизни за эти крики. За то, как её тело выходит из-под контроля. За эти расширенные зрачки, в которых плещется чистый, незамутнённый кайф. За то, как она теряет себя и находит заново — уже другой, более настоящей.

Она кричит ещё. И ещё. Волна за волной. Я не останавливаюсь. Пальцы продолжают двигаться, ловя каждую пульсацию, каждый спазм. Она уже не контролирует ничего. Тело живёт отдельно от неё — свободное, честное, прекрасное в своей уязвимости.

А потом — тишина.

Крик обрывается. Она затухает. Как свеча, на которую подули — медленно, ещё чуть-чуть дрожит фитиль, и гаснет. Дыхание выравнивается. Глаза закрыты. Только-только приходит в себя. Я вижу, как подрагивают её ресницы, как грудь вздымается всё реже, реже. Кажется, она проваливается в какое-то блаженное небытие.

Но в моей голове просыпаются бесы.

Я не даю ей уйти в это сладкое ничто. Мой средний палец ложится на её клитор. Горячий. Набухший. Пульсирующий. И я начинаю водить. Быстро. Без подготовки. Без предупреждения.

Она взвизгивает.

Не кричит — именно взвизгивает. Как от неожиданности, которую ждала. Её тело подбрасывает. Глаза распахиваются — в них плещется безумие, чистый, незамутнённый восторг пополам с мольбой: «Не останавливайся».

А я и не останавливаюсь.

Движения всё быстрее. Жёстче. Она уже не контролирует ничего. Её бьёт. Крупной дрожью. Мелкой дрожью. Она хватает ртом воздух и не может надышаться. Пальцы сжимают простыню так, что костяшки белеют. Из горла вырывается то ли стон, то ли рыдание.

И она кончает. Снова. Раз. Ещё раз. Ещё.

Волна за волной. Без перерыва. Без передышки. Она бьётся в истерике — той самой, которую не сыграть, не подделать. Когда тело живёт своей жизнью, а разум отключается к чертям. Когда ты уже не женщина, не человек — сгусток ощущений, оголённый нерв, на который наматывают виток за витком наслаждения.

Её трясёт. Всю. От макушки до пяток. Ноги сводит судорогой, руки немеют, нижнюю челюсть сводит — она не может закрыть рот, и из него вырывается хриплое, животное дыхание. По щекам текут слёзы — не от боли, от переизбытка. От катарсиса. Потом она рассказывала мне об этом: «Не могу остановиться, так хорошо, что страшно».

Я смотрю на неё и думаю: вот она. Настоящая. Без масок. Без «надо быть красивой». Без «удобно ли ему». Растрёпанная. Мокрая. Трясущаяся. Со съехавшей набок простынёй и красными пятнами на груди. И в этот момент она прекраснее всех актрис, которых я когда-либо представлял.

Я замедляю движения. Она всхлипывает. Её тело всё ещё подрагивает, но уже не бьётся. Я убираю палец. Она выдыхает — длинно, прерывисто, как после долгого бега.

— Ты… — она пытается что-то сказать, но голос срывается. — Ты… сумасшедший.

Я улыбаюсь. Потому что знаю — это лучший комплимент.

— Только с тобой, — отвечаю я.

И это правда.

Я смотрю на неё и понимаю: высшей точки не существует. Каждый раз кажется — вот он, пик. Выше некуда. А потом в голове что-то щёлкает. И мы заходим ещё дальше. Ещё глубже. Я не знаю, как это объяснить.

На тысячном половом акте мы познали с ней сквирт. На тысячном. Не на первом. Не на десятом. На тысячном.

И я уверен: это не предел.

P.S.

И да. Моника Белуччи всё равно легенда. Мужики не дадут соврать. Кто в юности не представлял её, закрывая глаза? Кто не примерял этот образ на жену, на подругу, на случайную попутчицу? Мы все там были. Это не измена. Это классика.

Но с Изольдой я глаза не закрываю.

Цитаты из главы

«Тело — это не карта. Это живой материк. Он меняется. Растёт. Открывает новые земли»

«Я готов отдать годы жизни за эти крики»

«Высшей точки не существует»

«На тысячном половом акте мы познали сквирт. На тысячном. И это не предел»

«Каждый раз — как первый»

«В голове что-то щёлкает. И мы заходим ещё дальше. Ещё глубже»

«С Изольдой я глаза не закрываю»

Итог

Спать с женщиной, которую уважаешь, и представлять Монику Белуччи — это одно.

А спать с простой, обычной, любимой женщиной и никого не представлять, кроме неё, — это другое.

Ищите свою женщину. Своего мужчину. Не того, с кем удобно спать. А того, с кем вы готовы искать. Того, с кем даже тысячный раз — как первый. Того, с кем рука сама тянется вниз, потому что предела нет.

Меня поймёт только тот, кто сегодня любит свою женщину, а завтра шлёт её нахуй и готов убить. А вечером стоит с цветами возле её двери, потому что не может без неё дышать.

И меня поймёт та, что сегодня думает: «Пусть валит. Пусть уходит. Он мне не нужен». А потом видит, как кто-то смотрит на него. Просто смотрит. И внутри вспыхивает такое, чего она сама от себя не ждала. И в два часа ночи летит эсэмэска: «Ты мне не нужен. Нахуй тебя. Хуев охотник». Что в переводе означает: «Только попробуй не быть моим».

Это и есть любовь. Не удобная. Не правильная. Живая.

Ищите новое. Даже если вам кажется, что всё в порядке. Даже если вы вместе давно. Даже если вы думаете, что знаете друг друга до дна.

Не знаете.

И это прекрасно.

Может, пора открыть глаза и посмотреть на того, кто лежит рядом? Вдруг там тоже есть что-то, чего вы ещё не видели.

5 бесит

Глава 5

Бесит — значит живой

Голоса

«Он меня бесит. Всем. Как ест. Как дышит. Как носки разбрасывает. Но когда его нет дома — я места себе не нахожу. Это что? Любовь или привычка?»

«Говорят, если бесит — значит не любишь. А по-моему наоборот. Если бы мне было всё равно, я бы не злилась. Я бы просто ушла. А я ору на него, а через час обнимаю. Это и есть любовь, нет?»

«Я его ненавижу иногда. Так, что убить готова. А потом он улыбается — и я таю. Это нормально? Или я просто истеричка?»

О чём это говорит

Женщины путаются. Им кажется, что любовь — это когда всё гладко. Когда не бесит. Когда всегда милые и понимающие. А если бесит — значит что-то сломалось.

Но это не так. Мёртвое не бесит. Мёртвое лежит ровно и не мешает. А живое — дышит не в такт, забывает купить хлеб, смотрит свои дурацкие видео на полной громкости. И бесит. Потому что оно есть. Потому что оно касается тебя.

Автор

Изольда меня бесит. Не буду врать, что это не так. Быть с ней — это как держать в руках оголённый провод. Трясёт. Искрит. Но бросить невозможно. Потому что без этого тока я просто не дышу.

Бесит, что она не слушает. Я говорю — она делает по-своему. Я оказываюсь прав — она смотрит исподлобья и молчит. Не из упрямства. Из какой-то древней женской гордости, которую мне не дано понять. И в этот момент я хочу её то ли придушить, то ли поцеловать. Обычно заканчивается вторым. Но перед этим я успеваю прожить целую бурю внутри. От ярости до нежности. И она знает это. И молчит дальше. И это бесит ещё больше.

Бесит её самостоятельность. Я привык быть нужным. Решать. Чинить. Доставать звёзды с неба по щелчку. А она не даёт мне повода. Она сама. Всегда сама. И я стою как дурак со своей бесполезной помощью и понимаю: она не против меня. Она просто умеет жить. И это бесит. Потому что я хочу быть частью этой её жизни. Не спасателем. Просто частью. Тем, кому она позвонит и скажет: «У меня проблема». Но она не звонит. Она решает. А я узнаю потом. И меня разрывает от обиды и гордости одновременно. Гордости за неё. Обиды за себя.

Бесит её разряженный телефон. Для меня это не просто севшая батарейка. Для меня это тридцать минут ада. Я звоню — гудки. Ещё раз — гудки. Ещё — и тишина. И в голове уже не сценарии — фильмы ужасов. Авария. Больница. Что-то с ней. Я прокручиваю всё это за минуту. А она перезванивает через час и спокойно: «Я забыла зарядить». И я слышу её голос — и злость уходит, оставляя после себя только пустоту и облегчение. И желание купить ей power bank. Штук пять. И привязать к руке. Намертво.

Бесит, что мужики на неё смотрят. Когда я рядом — это даже льстит. Смотрите. Завидуйте. Она выбрала меня. Но когда меня нет рядом, внутри просыпается кто-то мелкий и пакостный. Он шепчет: «А вдруг там кто-то лучше? Смелее? Богаче?» И я понимаю, что это не про неё. Это про меня. Про мои страхи. Про то, что я сам до конца не верю, что такая женщина может быть моей. И я начинаю злиться. На неё. За то, что она такая красивая. За то, что на неё смотрят. За то, что я не могу пришить ей на лоб табличку «Занято». И от этой злости становится стыдно. И от стыда — снова злость. Замкнутый круг.

Я знаю, чем бешу Изольду. Это видно в её глазах.

Я перебиваю её. Она начинает говорить — я уже вставляю своё. Думаю, что помогаю. Что мы на одной волне. А она замолкает. И в глазах — не злость. Усталость. Она устала бороться за воздух рядом со мной. И я вижу это. И всё равно перебиваю в следующий раз. Потому что я мужик. Потому что мне кажется, что моё — важнее.

Я решаю за неё. Куда едем, что едим, кого зовём. Она смотрит и молчит. Я думаю: «Она согласна». А в глазах — «Ты опять не спросил». И я знаю это. Но продолжаю. Потому что так проще. Потому что спросить — значит дать ей выбор. А выбор — это риск, что она выберет не меня.

Я обесцениваю её усталость. «Ты же сама хотела». «Ты же сама выбрала». Она поднимает глаза. И в них — не обида. Разочарование. Она ждала, что я скажу: «Ты справишься. Я рядом». А я сказал: «Сама виновата».

Я залипаю в телефоне, когда она рядом. Она сидит и смотрит. Я чувствую её взгляд. Но продолжаю скроллить. Потому что ответить на её взгляд — значит признать, что я был не с ней. Что экран был важнее. И я трушу. И она это знает.

Вот чем я бешу Изольду. И вот что я вижу в её глазах каждый раз. Но она не уходит. И я не ухожу. Потому что это тоже любовь. Неудобная. Корёжащая. Но наша.

И самое смешное — её бесит то же самое. Мои настройки. Мой возраст. Мои «моложе шучу». Мы оба ходим по кругу, наступая на одни и те же грабли. И каждый раз, когда грабли бьют по лбу, мы смотрим друг на друга и смеёмся. Потому что это не грабли. Это наша общая карусель. И мы не хотим с неё слезать.

Говорят, что бесит — значит не любовь. Говорят, что настоящая любовь — это тихая гавань. Покой. Умиротворение. Не верьте. Тихая гавань — это болото. А любовь — это шторм. Это когда трясёт так, что забываешь, где верх, где низ. И только один человек может вернуть тебе дыхание.

Изольда меня бесит. И это лучшее, что со мной случилось.

Цитаты из главы

«Мёртвое не бесит. Мёртвое лежит ровно и не мешает»

«Тихая гавань — это болото. А любовь — это шторм»

«Она не против меня. Она просто умеет жить»

«Бесит — значит касается. Касается — значит живой»

Итог

Если вас бесит человек — не спешите ставить диагноз «разлюбила». Спросите себя: вам есть до него дело? Вы хотите, чтобы он был рядом, даже когда бесит? Вы скучаете, когда его нет?

Если да — это любовь. Не гладкая. Не удобная. Живая.

Изольда меня бесит. А я бешу её. И мы оба знаем: вечером мы всё равно будем вместе. Сидеть на диване. Обниматься. И смеяться над чем-то новым.

Потому что бесит — значит касается. Касается — значит живой. Живой — значит есть ради чего просыпаться.

P.S.

Изольда, если ты это читаешь: заряди телефон. И признай хотя бы раз, что я красивее.

6 радует

Глава 6

Радует

Голоса

«Мой муж никогда не говорит, что его во мне радует. Я спрашиваю — он отвечает: „Всё“. И я не знаю, это „всё“ — потому что любит, или потому что ему лень думать»

«Он сказал, что его радует, как я смеюсь. Как будто маленькая девочка. Я запомнила на всю жизнь. Больше он такого не говорил. Но я помню»

«Меня радует, когда он просто смотрит на меня и улыбается. Без слов. Без повода. Просто смотрит и улыбается. И я понимаю: он рад, что я есть. Это лучше любых признаний»

«Я не знаю, что его во мне радует. Может, ничего. Может, он просто привык. И от этого грустно»

О чём это говорит

Женщины хотят знать, что их не просто любят. Что их выбрали. Не потому что привыкли. Не потому что удобно. А потому что в них есть что-то, что радует. Что заставляет мужчину улыбаться, глядя на них.

И когда мужчина молчит — женщина додумывает. Обычно плохое. «Я ему надоела». «Он со мной по привычке». «Он не видит во мне ничего особенного».

А правда в том, что мужчина видит. Но не говорит. Потому что не умеет. Потому что считает: «Она и так знает». А она не знает. Она ждёт слов.

Автор

Меня в Изольде радует всё.

Не «всё» в смысле «отстань». А всё — в смысле каждая чёрточка, каждая мелочь, каждая странность, которую я сначала не понимал, а теперь не могу без неё жить.

Меня радует, как она просыпается.

Медленно. Как кошка, которая никуда не торопится, потому что знает: мир подождёт. Сначала один глаз приоткрывается — проверяет, здесь ли я. Потом второй. Я наклоняюсь и спрашиваю: «Ты моя?» Она смотрит мутным взглядом, ещё не здесь, ещё где-то между сном и явью, и говорит: «Да». И в этом «да» — всё. И «доброе утро», и «я тебя люблю», и «никуда не уйду». Потом она добавляет: «Кофе». И я иду варить. Потому что после «да» я готов на всё.

Меня радует, когда она перестаёт мучить себя диетами.

Когда забывает про голод и просто ест. Не считает калории с видом мученицы. Не взвешивает каждый кусок, как будто от этого зависит её судьба. А просто берёт и ест. И я люблю смотреть, как она ест. Люблю этот момент, когда она откусывает что-то запретное, сладкое, и её глаза на секунду закрываются от удовольствия. Мне насрать, располнеет она или останется такой же. Тело — это тело. Оно меняется, стареет, устаёт. А главное — у неё самые охренительные брови на свете. И это не шутка. Я правда так думаю. Я смотрю на эти брови каждый день. Как они хмурятся, когда она злится. Как они поднимаются, когда она удивляется. Как они живут своей жизнью, выразительнее любых слов. У неё лучшие брови на планете. Да что там на планете — во всей вселенной. И когда она ест сладкое и хмурит эти брови от удовольствия — я понимаю, что я самый счастливый мужик в галактике.

Меня радует, как она злится.

У неё ноздри раздуваются. Она начинает говорить быстрее и выше. Руками машет, как дирижёр невидимого оркестра. А потом вдруг замолкает и смотрит на меня. И в этом взгляде — всё. Не желание победить. Не желание унизить. Желание быть услышанной. И когда я говорю:

«Я понял. Я дурак», — она выдыхает. Ноздри перестают раздуваться. Плечи опускаются. И она снова моя Изольда. Та, что просыпается с вопросом «кофе» и хмурит брови от удовольствия.

Меня радует, как она выбирает, что надеть.

Она может перемерить полшкафа. Разложить всё на кровати, создавая текстильный хаос. Стоять в одном сапоге и смотреть в потолок, как будто там написан ответ. А потом надеть то, что висело на стуле. И я сижу и смотрю на это. И понимаю: я мог бы злиться. Раньше злился. Считал минуты, вздыхал, закатывал глаза. А теперь меня это радует. Потому что это она. Так она принимает решения. Так она проживает каждую минуту — тщательно, глубоко, по-настоящему. И я хочу быть рядом, пока она выбирает. Хочу быть тем, кому она скажет: «Ну как?» И я отвечу: «Обалденно. Берём».

Меня радует, как она пахнет.

Не духами. Духи — это маска. Это для мира. А для меня — то, что под маской.

Запах её волос, когда она только из душа. Мокрые пряди пахнут летним дождём, тёплым и чистым. Я зарываюсь в них лицом и дышу, как дышат после долгой жажды.

Запах её кожи утром. Ещё сонной. Ещё не успевшей надеть на себя день. Она пахнет теплом, домом, чем-то родным, чему нет названия. Я могу лежать и вдыхать этот запах бесконечно.

Запах её подушки. Когда её нет рядом, я кладу голову на её половину и закрываю глаза. И она как будто здесь. Подушка хранит её сон, её дыхание, её саму.

И есть ещё один запах. Самый странный. Самый сильный.

Запах её лба.

Я не знаю, как это объяснить. Не знаю, из каких молекул он состоит. Но когда я целую её в лоб и вдыхаю — я проваливаюсь. В детство. В покой. В то, что было до слов. Он пахнет жизнью. Не моей — всей. Всеми красками счастья, которые только существуют. Если у души есть оргазм, то он пахнет именно так. Её лбом.

Меня радует, как она смеётся.

Не вежливо, в компании, когда надо быть приличной. А по-настоящему. Когда запрокидывает голову. Когда из глаз брызжут слёзы. Когда она не может остановиться, хватает ртом воздух и снова заливается смехом. И я смеюсь вместе с ней, даже если не понял шутку. Потому что её смех — это лучшее, что я слышал. Это музыка, ради которой стоит просыпаться.

Меня радует, как она заботится.

Она не спрашивает: «Ты поел?» Она просто ставит передо мной тарелку. Она не говорит: «Оденься теплее». Она просто кладёт шарф на видное место. Она не лезет с вопросами. Она просто делает. Тихо. Незаметно. Без ожидания благодарности. И я замечаю. Не всегда говорю. Но замечаю. И внутри разливается тепло, которому нет названия.

Меня радует, как она молчит.

Не обиженно. Не в наказание. А просто. Когда мы едем в машине и слушаем музыку, и каждый думает о своём, но мы вместе. Когда лежим и смотрим в потолок, и между нами тишина, но она не давит. Когда каждый в своём телефоне, но её нога касается моей. И этого достаточно. Нам не нужны слова, чтобы быть вместе. Достаточно касания. Достаточно дыхания в одной комнате.

Меня радует, что она выбрала меня.

Я, конечно, сам бы себя выбрал. А кого ещё? Она выбрала меня. Из миллионов. Из тех, кто моложе. Из тех, кто, может быть, даже красивее. Хотя куда красивее меня? В общем, она выбрала меня. И это радует меня каждый день. Каждую минуту. Даже когда я забываю ей об этом сказать.

Я не всегда говорю. Но я думаю это постоянно. И может быть, эта глава — мой способ произнести вслух.

Изольда. Меня радует в тебе всё. Даже то, что ты бесишь меня до скрежета зубов.

Потому что ты — это ты. И этого достаточно. Этого более чем достаточно. Этого — целая вселенная.

Цитаты из главы

«В этом „да“ — всё. И „доброе утро“, и „я тебя люблю“, и „никуда не уйду“»

«Мне насрать, располнеет она или останется такой же. Главное — у неё самые охренительные брови во вселенной»

«Если у души есть оргазм, то он пахнет её лбом»

«Я, конечно, сам бы себя выбрал. А кого ещё?»

«Она выбрала меня. Из миллионов. И это радует меня каждый день»

«Ты — это ты. И этого достаточно. Этого — целая вселенная»

Итог

Женщина хочет знать, что её не просто любят. Что её выбрали. Что в ней есть что-то, что радует мужчину каждый день. Даже если он молчит.

Мужчина, скажи ей. Не «всё». Конкретно. Что тебя в ней радует? Может, то, как она хмурится, когда сосредоточена. Может, то, как она поправляет волосы, думая, что никто не видит. Может, то, как она замирает на секунду перед тем, как сделать глоток кофе.

У каждого своё. Но оно есть. Всегда есть.

Скажи. Она ждёт. Даже если не подаёт виду. Даже если сама не спрашивает. Она ждёт.

И может быть, именно сегодня ты произнесёшь те самые слова. И она запомнит их на всю жизнь. Как та женщина, которой однажды сказали про смех. И она помнит до сих пор.

Скажи. Пока она рядом. Пока её глаза ещё смотрят на тебя с тем самым выражением, которое ты так любишь и которому нет названия.

А что в тебе радует его? Ты знаешь? Или только догадываешься? Может, спросить сегодня?

P.S.

Изольда, если ты это читаешь: я сегодня снова смотрел на твои брови. Они лучшие. Во всей вселенной. И это не обсуждается.

7 выбирает

Глава 7

Она выбирает

Голоса

«Я всегда думала, что должна быть сильной. Доказывать. Спорить. Отстаивать. А потом встретила его — и впервые захотелось просто быть. Не завоёвывать. Не бороться. Просто быть рядом. И это оказалось сильнее любой силы»

«Мой муж говорит, что я им командую. А я просто устала ждать, когда он решит. Я не хочу быть главной. Я хочу, чтобы он взял ответственность. Но он не берёт. И я тащу всё сама. И от этого я злая. А не от того, что я стерва»

«Я боюсь отпустить контроль. Мне кажется, если я перестану всё держать — всё развалится. Отношения, дом, дети, работа. Я как Атлант. Только у меня ещё и ужин на плите»

«Он сказал мне однажды: „Ты мой воздух“. Я заплакала. Не потому что это красиво. А потому что я впервые почувствовала: я не просто кто-то. Я — жизнь для него»

О чём это говорит

Женщины устали быть сильными. Им с детства вбивают: «Ты должна быть самостоятельной», «Не жди принца», «Рассчитывай только на себя». Они вырастают и становятся такими. Самостоятельными. Сильными. Всё держат. Всё контролируют.

А потом встречают мужчину. И не знают, что с ним делать.

Потому что их не научили отпускать. Не научили доверять. Не научили быть слабыми рядом с тем, кто не предаст.

И они продолжают держать. Командовать. Решать. Тащить. Даже когда мужчина готов взять. Даже когда он хочет взять. Она не даёт. Потому что боится: если отпустит — всё рухнет.

А правда в том, что рушится всё как раз тогда, когда она не отпускает. Когда она не даёт ему быть мужчиной. Когда она выбирает роль Атланта вместо роли женщины.

Настоящая сила женщины — не в том, чтобы держать. А в том, чтобы позволить. Позволить ему войти. Позволить ему взять. Позволить себе быть уязвимой. Не потому что она слабая. А потому что она выбирает. Осознанно. По любви.

Автор

Я долго не понимал, почему не могу уйти от Изольды.

До неё были другие. Красивые. Умные. Успешные. С ними было интересно, ярко, страстно. Но всегда наступал момент, когда я смотрел на них и думал: «Я не хочу просыпаться рядом с тобой через десять лет».

С Изольдой я не думаю о десяти годах. Я думаю о завтрашнем утре. О том, как она приоткроет один глаз, потом второй. Как я спрошу: «Ты моя?» И она скажет: «Да». И в этом «да» будет всё.

Но так было не всегда.

Первое время я пытался её завоевать. Как привык. Цветы, рестораны, слова, поступки. Она принимала, улыбалась, но я чувствовал: она не моя. Она сама по себе. И это бесило. Я привык, что женщины «становятся моими». А Изольда не становилась. Она просто была. Рядом. Но не во власти.

Я думал: «Она не любит. Она играет. Она держит дистанцию». А потом случился один вечер, который всё перевернул.

Мы сидели на кухне. Она пила чай, я смотрел в телефон. Обычный вечер. Ничего особенного. И вдруг она сказала:

— Знаешь, почему я с тобой?

Я отложил телефон. Посмотрел на неё.

— Потому что с тобой мне не надо врать.

Я не понял.

— В каком смысле?

— С другими я всегда играла. Изображала ту, кем они хотели меня видеть. Умную. Весёлую. Страстную. Удобную. А с тобой я просто есть. Ты видишь меня настоящую. И не уходишь. Для меня это впервые.

Она замолчала и посмотрела в чашку. А я сидел и переваривал.

Она не держала меня. Не привязывала. Не манипулировала. Она просто позволила мне быть рядом. И я сам выбрал остаться. Не потому что должен. Не потому что привык. А потому что с ней я тоже впервые не врал.

Я не изображал супермена. Не делал вид, что всегда прав. Не прятал свои страхи и свои «бесит». Я был собой — со всеми трещинами. И она не уходила. Она смотрела на меня и оставалась.

И тогда я понял то, что потом вылилось в эти строки:

она не держит —
она отпускает

не командует —
позволяет войти

её сила не в крике
а в том как она молчит
когда можно было бы требовать

он не уходит
потому что с ней
впервые
не надо врать

она отдаётся
не теряя себя
а находя

и в этом главный секрет:
женщина не подчиняется
она выбирает
быть в его власти

и тогда мужчина
держится за неё
как за воздух

Я написал это ночью. Одним потоком. Без правок. Просто сел и выдохнул слова, которые долго носил в себе.

Изольда не читала. Я не показывал. Стеснялся. Думал: «Стихи — это не мужское». А потом случайно оставил листок на столе. Она нашла. Прочитала. Подошла ко мне, уткнулась лбом в плечо и стояла так минуту. Молча.

А потом подняла глаза и сказала:

— Я тоже тобой дышу.

И всё. Больше ничего не нужно было говорить.

С тех пор я понял: женщина не должна держать. Не должна завоёвывать. Не должна тащить всё на себе. Её сила — в выборе. В том, чтобы позволить мужчине войти. Не в дом. В себя. В самую суть.

И когда она это делает — мужчина не уходит. Не потому что обязан. Не потому что удобно. А потому что без неё он не дышит. Потому что она стала его воздухом. Не по принуждению. По её выбору. И по его любви.

Многие женщины боятся отпустить контроль. Им кажется, что если они перестанут всё держать — всё развалится. Отношения, дом, дети, работа. Они держат. Тащат. Контролируют. И превращаются в Атлантов в юбке. Уставших. Злых. Одиноких даже рядом с мужчиной.

А мужчина рядом с такой женщиной либо сжимается в точку, либо уходит. Потому что ему не оставили места. Потому что она всё сама. Потому что он не нужен.

Изольда оставила мне место. Она не командовала. Не требовала. Не ставила ультиматумов. Она просто была собой. И позволила мне быть собой. И я занял это место. По собственному выбору. По любви.

Я не знаю, как она это делает. Может, это врождённое. Может, она прошла через что-то, о чём я не знаю. Но она умеет отпускать. И именно поэтому я держусь за неё. Не из страха потерять. А из желания быть рядом.

Цитаты из главы

«Она не держит — она отпускает»

«Её сила не в крике, а в том, как она молчит, когда можно было бы требовать»

«С ней впервые не надо врать»

«Она отдаётся, не теряя себя, а находя»

«Женщина не подчиняется — она выбирает быть в его власти»

«Мужчина держится за неё, как за воздух»

«С тобой я просто есть. Ты видишь меня настоящую. И не уходишь»

«Я тоже тобой дышу»

Итог

Настоящая сила женщины — не в контроле. Не в умении всё держать. Не в громком голосе и железной воле.

Её сила — в выборе. В умении отпустить и не потерять. В том, чтобы позволить мужчине войти в её жизнь и остаться там не по принуждению, а по любви.

Если ты устала быть Атлантом, попробуй отпустить. Не всё. Хотя бы немного. Дай ему место. Дай ему шанс. Позволь ему быть мужчиной.

И ты увидишь: он не уйдёт. Он будет держаться за тебя. Как за воздух.

А ты — его воздух? Или ты всё ещё пытаешься всё контролировать?

P.S.

Изольда, если ты это читаешь: спасибо, что выбрала меня. Я до сих пор не понимаю, за что. Но дышу тобой каждый день. И не собираюсь останавливаться.

P.P.S. Хотя нет, понимаю. Просто ты единственная, кто смеётся над моими шутками. Остальные бьют за них.

8 хаус

Глава 8
Она — это хаос

она может смеяться так, что стены плавятся
а через минуту — смотреть сквозь тебя, будто ты стекло
она может быть мягче шёлка
и вдруг — жёстче стали
она может плакать в подушку, чтобы никто не слышал
а наутро сказать: «всё нормально»
она может не спать ночами, обнимая твою спину
а днём сделать вид, что ты чужой
она может любить так, что воздух кончается
и ненавидеть так, что хочется выть
в ней уживаются нежность и бешенство
слабость и сила
вера и цинизм
она неудобная
невозможная
единственная
она может уйти, не обернувшись
а может вернуться и прошептать: «прости»
она — это хаос
который я больше не хочу упорядочивать
я просто хочу быть в нём
потому что без неё — тишина
а с ней — даже боль имеет вкус
© Александр Шаг
#верлибр

Голоса
«Я не понимаю, что со мной. То я смеюсь, то плачу. То люблю его до дрожи, то ненавижу так, что хочется уйти. Он говорит: „Ты непредсказуемая“. А я просто живая. Разве это плохо?»
«Мой мужчина жалуется, что я слишком эмоциональная. Что я его выматываю. А я не знаю, как по-другому. Я не умею быть ровной. Я умею только гореть. Или замерзать. Третьего не дано»
«Я устала быть удобной. Устала сглаживать углы. Устала делать вид, что всё нормально. Я хочу быть собой. Даже если это хаос. Даже если он уйдёт. Я больше не могу врать»
«Она сказала мне однажды: „Ты не обязан меня понимать. Просто будь рядом“. И я остался. Не потому что понял. А потому что без неё — пустота»

О чём это говорит
Женщины живут внутри эмоционального шторма. Им с детства говорят: «Не кричи», «Не плачь», «Будь хорошей девочкой». Они учатся прятать. Улыбаться, когда больно. Молчать, когда хочется орать. Быть удобными.
А потом встречают мужчину. И либо продолжают притворяться, либо взрываются.
Те, что продолжают, — живут в тишине. Удобные. Ровные. Предсказуемые. И глубоко несчастные.
Те, что взрываются, — становятся «неудобными». Слишком громкими. Слишком эмоциональными. Слишком живыми.
И мужчины часто пугаются. Им бы покой. Им бы «всё нормально». А она — шторм. Она рыдает в подушку, а наутро красит губы и идёт завоёвывать мир. Она обожает так, что забываешь, как дышать, и презирает так, что земля уходит из-под ног. Она уходит, хлопнув дверью, и возвращается с пакетом твоих любимых помидоров. Она — стихия.
Но именно в этом шторме — настоящая жизнь. Именно там — настоящая женщина. Неудобная. Невозможная. Единственная.

Автор

Изольда — это ураган. Я никогда не знаю, какая она проснётся завтра.

Иногда она смеётся — и я смеюсь вместе с ней, даже если не понял шутку. Потому что её смех — это наркотик. Я готов быть дураком, лишь бы слышать его снова и снова. А иногда она смотрит сквозь меня, и я чувствую себя пустым местом. Спрашиваю: «Что не так?» Молчит. И это молчание страшнее любого крика.

Я научился не дёргать. Просто быть рядом. Просто ждать. Потому что через час, или через день, или через неделю она подойдёт, уткнётся лбом в моё плечо и скажет: «Я устала». И я пойму: она не злилась на меня. Она просто боролась с чем-то внутри себя.

Она бывает ласковой, как котёнок. Мурчит, трётся, просится на ручки. Я таю. Я готов нести её на руках через всю жизнь. А через пять минут она становится колючей, как ёж. Отстраняется. Огрызается. Я не понимаю, что изменилось. Может, я не так посмотрел. Может, не так вдохнул. Может, она просто вспомнила что-то, о чём я даже не догадываюсь.

Я перестал искать логику. В Изольде её нет. И в этом её прелесть.

Она может рыдать ночью, уткнувшись в подушку. Я просыпаюсь от её вздрагиваний. Она думает, что я сплю. Я не подаю виду. Знаю: если спрошу — она скажет «всё нормально» и отвернётся. Я просто придвигаюсь ближе. Кладу руку ей на спину. Она замирает. Потом её дыхание становится ровнее. Она засыпает. А я лежу и смотрю в потолок. И думаю: «Что у неё внутри? Какие бури она переживает одна?»

Утром она проснётся, улыбнётся, сварит кофе. Как будто ничего не было. И я не спрошу. Потому что она не хочет говорить. Потому что ей нужно, чтобы я просто был. Не лез. Не допрашивал. Просто был.

В ней живут десять женщин. Сто. Целая вселенная.

Одна верит в вечную любовь и смотрит мелодрамы, утирая слёзы. Другая цинично заявляет, что все мужики — нехорошие люди. Одна готова отдать последнее. Другая будет торговаться на рынке за копейку. Одна молится. Другая матерится так, что у меня уши вянут.

И я люблю каждую. Даже ту, что матерится. Особенно её.

Раньше я пытался её понять. Разложить по полочкам. Найти систему. Я думал: «Если я пойму, что её злит, что радует, чего она хочет — я смогу сделать её счастливой». Я читал книжки по психологии. Я анализировал. Я высчитывал.

Дурак.

Женщину нельзя понять головой. Её можно только чувствовать. Быть рядом. Дышать с ней одним воздухом. Принимать её любую — смеющуюся и плачущую, ласковую и колючую, святую и грешную.

Я больше не хочу её упорядочивать. Я просто хочу быть в её хаосе. Потому что без неё — мёртвая тишина. А с ней — даже боль звучит как музыка.

Цитаты из главы

«Она может смеяться так, что всё вокруг замирает. А через минуту — смотреть сквозь тебя, будто ты стекло»

«Она бывает ласковой, как котёнок. А через пять минут — колючей, как ёж»

«В ней живут десять женщин. Сто. Целая вселенная»

«Женщину нельзя понять головой. Её можно только чувствовать»

«Я больше не хочу её упорядочивать. Я просто хочу быть в её хаосе»

«Без неё — мёртвая тишина. А с ней — даже боль звучит как музыка»

Итог

Женщина — это не формула. Не ребус, который надо разгадать. Она — живая. Меняющаяся. Противоречивая. И в этом её сила. Не в том, чтобы быть удобной и предсказуемой. А в том, чтобы быть собой.

Если твоя женщина — хаос, не пытайся её починить. Не ищи логику там, где её нет. Просто будь рядом. Дыши этим воздухом. Живи этой жизнью.

Потому что без неё — тишина. А с ней — даже боль звучит как музыка.

Ты готов быть в её хаосе? Или тебе нужна тишина?

P.S.

Изольда, если ты это читаешь: я составил график твоих настроений. Понедельник — ураган. Вторник — шторм. Среда — цунами. В остальные дни — что-то среднее между торнадо и извержением вулкана. График не работает. Но я всё ещё здесь. Сейсмолог хренов.

9 возраст

Глава 9

Возраст

Голоса

«Мне сорок. Я смотрю в зеркало и не узнаю себя. Вроде всё то же: глаза, нос, губы. Но что-то ушло. Свежесть? Лёгкость? Я не знаю. Я просто вижу уставшую женщину, которая всё время кому-то должна»

«Он говорит, что я красивая. А я не верю. Думаю: он просто привык. Или врёт, чтобы не расстраивать. Я вижу свои морщины, свой живот, свои руки. Я вижу то, что он якобы не замечает. И от этого ещё больнее»

«Я сравниваю себя с двадцатилетними. С официантками, с девушками в метро, с дочерьми подруг. И каждый раз проигрываю. У них кожа светится, у них всё впереди. А у меня — ипотека, усталость и ощущение, что лучшее уже позади»

«Однажды я спросила его: „Ты правда считаешь меня красивой?“ Он посмотрел на меня долго и сказал: „Я не считаю. Я знаю“. И я заплакала. Потому что впервые поверила. Не ему. Себе. Той, которую он видит»

О чём это говорит

Женщины воюют с собственным отражением всю жизнь. В двадцать лет им кажется, что они недостаточно стройные. В тридцать — что у них уже не та кожа. В сорок — что молодость ушла безвозвратно. В пятьдесят — что они невидимы для мира.

Им с детства вбивают: «Ты должна быть красивой». Но никто не говорит, что красота — это не гладкая кожа и не упругая грудь. Красота — это жизнь, которая светится изнутри. Это морщины от смеха, а не от старости. Это тело, которое пережило бессонные ночи, стрессы, болезни и всё равно встаёт по утрам и идёт дальше.

Женщина смотрит в зеркало и видит недостатки. Мужчина смотрит на неё и видит женщину, которую любит. Она не верит ему. Она верит зеркалу, глянцу, кому угодно, только не ему.

А правда в том, что он не врёт. Он действительно не замечает её морщин. Не потому что слепой. А потому что для него она — это не сумма частей тела. Она — это она. Целиком. Со всеми своими годами, килограммами и складочками. И он любит её всю. А она не верит.

Автор

Изольда воюет с зеркалом. Я вижу это каждый день.

Она подходит к нему утром и хмурится. Проводит пальцами под глазами, будто пытается разгладить то, чего я даже не вижу. Поворачивается боком, втягивает живот, выдыхает и качает головой. Я делаю вид, что не замечаю. Но я замечаю всё. Каждый её вздох у зеркала. Каждое «ой, что-то я поправилась». Каждое «эта кофта меня полнит». Каждое «раньше я была стройнее». Я слышу это постоянно, и каждый раз у меня внутри всё сжимается. Не от раздражения — от бессилия. Потому что я не могу заставить её увидеть то, что вижу я.

И однажды я не выдерживаю. Она в очередной раз вздыхает у зеркала, разглядывая какую-то невидимую мне складку, и я рявкаю: «ДА КАКАЯ РАЗНИЦА?! ТЫ ОХУЕННАЯ!»

Она замирает. Смотрит на меня через отражение. В глазах — удивление, недоверие и что-то ещё. Может, надежда. Может, страх, что я шучу.

— Ты просто так говоришь, — шепчет она.

— Я не «просто так». Я ору тебе это последние несколько лет. Просто ты не слышишь.

Она отворачивается. Молчит. Но я вижу, как уголки её губ чуть дрогнули. Она почти поверила. Почти.

Моей Изольде двадцать шесть лет. Мы оба в это верим. Она — потому что чувствует себя на двадцать шесть. Я — потому что вижу её такой. Если честно, я бы дал ещё меньше. Года двадцать два, не больше. Но она заподозрит меня в подхалимаже и скажет: «Хватит врать». Поэтому я молчу. Но про себя думаю: «Двадцать два. Максимум — двадцать три в плохой день».

Шёпотом: на самом деле ей сорок. Но это наш с ней секрет. От неё самой. И пусть только попробует узнать.

Она сравнивает себя с двадцатилетними. С официантками в кафе, куда мы заходим по выходным. С девушками из рекламы, которые смотрят на нас с экранов. С дочерьми наших друзей, которые только окончили универ и ещё верят, что весь мир у их ног. Я слышу, как она говорит подруге по телефону: «Нет, ну ты посмотри на неё. Ей двадцать два. У неё всё впереди. А я уже…» И замолкает. Не договаривает. Но я знаю, что она хотела сказать: «А я уже старая».

Меня это бесит. Не она. А то, что она в это верит. Как будто у красоты есть срок годности. Как будто в сорок она списывается в утиль. Как будто её ценность измеряется упругостью кожи и отсутствием морщин. Бред. Полный бред.

Я смотрю на неё и вижу женщину, от которой у меня до сих пор перехватывает дыхание. Я вижу её глаза — они стали глубже, чем раньше. В них появилось что-то, чего не было в двадцать. Мудрость? Усталость? Опыт? Я не знаю, как назвать. Но они стали красивее. Определённо. В двадцать лет её глаза были просто красивыми. Сейчас они — бездонные. В них можно провалиться и не захотеть выныривать.

Я вижу её морщинки вокруг глаз. Она называет их «гусиные лапки» и ненавидит. Каждое утро мажет каким-то кремом, который должен их убрать. Я не говорю ей, но крем не работает. Морщинки остаются. И слава богу. Потому что я люблю их. Они появляются, когда она смеётся. А я живу ради её смеха. Каждая такая морщинка — это момент, когда ей было хорошо. Может, со мной. Может, без меня. Но ей было хорошо. И это главное.

Я вижу её тело. Оно живое. Настоящее. Без кубиков, без фитнес-стандартов, без этого безумного «я должна выглядеть как в двадцать». Иногда она набирает пару килограммов, иногда сбрасывает. Я даже не замечаю, пока она сама не скажет. Она подходит ко мне, встаёт боком и спрашивает: «Ну? Видишь?» Я честно вглядываюсь. «Что видеть?» «Вот! Складка!» Я смотрю на складку. Потом на неё. Потом снова на складку. «Это называется кожа, Изольда. Она есть у всех людей». Она фыркает и уходит. А я остаюсь в недоумении: как можно переживать из-за того, чего я даже не замечаю?

Мне она нравится любой. Я не знаю почему. Просто нравится, и всё тут. Без кубиков, без «идеального пресса», без этих бесконечных «я похудела на два килограмма, смотри». Я смотрю. И вижу её. Не килограммы. Её.

Но есть одно «но». Я не люблю, когда она перезагорает и становится темнее меня. Теряюсь на её фоне. А я этого не люблю. Мне нравится её белая кожа. Когда она бледная, как луна, и кажется, что светится изнутри. Я могу смотреть на неё часами. В такие моменты она похожа на фарфоровую куклу, которую хочется защищать от всего мира. Или на ангела, который случайно залетел не в ту квартиру и остался.

Конечно, я обожаю её и загорелой. И такой, и сякой, и любой. Но когда она белая — я млею. Может, это потому, что я сам зимний тип. Может, потому, что на белом всё видно: каждую эмоцию, каждую вспышку румянца, каждую мурашку. Она как чистый холст, на котором я могу читать её настроение.

Она всё равно переживает. Из-за фигуры, из-за складочек, из-за того, что «уже не та». А я смотрю на неё и думаю: «Господи, какая же ты красивая». Не потому что соответствуешь чьим-то стандартам. А потому что ты — это ты. И когда ты бледная, и когда загорелая. И

когда в джинсах, и когда в моей растянутой футболке. И когда злая, и когда смеёшься своими «гусиными лапками».

Я говорю ей, что она красивая. Она отмахивается. «Ты просто привык». «Ты просто хочешь меня успокоить». «Ты просто не видишь».

Я вижу больше, чем она думает. Я вижу её настоящую. Без фильтров. Без правильного света. Утром, с опухшим лицом и спутанными волосами. И она прекрасна. Не потому что соответствует чьим-то стандартам. А потому что она — это она.

Однажды она спросила: «Ты правда считаешь меня красивой?» Я посмотрел на неё долго и сказал: «Я не считаю. Я знаю. Как знаю, что вода мокрая, а небо голубое. Это не вопрос веры. Это факт».

Она заплакала. Я испугался — думал, обидел. А она уткнулась в меня и прошептала: «Я впервые поверила».

С тех пор я повторяю ей это каждый день. Не всегда словами. Иногда просто смотрю на неё и улыбаюсь. Иногда провожу рукой по её щеке, по тем самым морщинкам, которые она ненавидит. Иногда просто варю ей кофе и ставлю на тумбочку. И она знает: это тоже «ты красивая». Просто без слов.

Я не могу заставить её полюбить своё отражение. Это её путь. Но я могу быть рядом и показывать ей — моими глазами. Глазами мужчины, который выбрал её. Не двадцатилетнюю девочку. Не фотомодель. Её. Сорокалетнюю. Уставшую. С морщинками и складочками. Потому что для меня она — единственная женщина на планете, от которой у меня до сих пор замирает сердце.

Возраст — это не минус. Это оружие. Это опыт, который делает её глубже. Это тело, которое прожило жизнь и носит на себе её следы. Недостатки? Нет. Карта сокровищ.

И я — тот самый пират, который нашёл свой клад.

Цитаты из главы

«Какая разница, если ты охуенная»

«Я не считаю тебя красивой. Я знаю это. Как знаю, что вода мокрая»

«Её тело — карта нашей жизни. И я — пират, который нашёл свой клад»

«Каждая морщинка — это момент, когда ей было хорошо»

«Я вижу её настоящую. Без фильтров. И она прекрасна»

«Возраст — это не минус. Это оружие»

«Мне нравится её белая кожа. Она как чистый холст, на котором я читаю её настроение»

Итог

Женщина воюет с зеркалом. Мужчина смотрит на неё и видит не морщины, а моменты счастья. Не килограммы, а прожитую вместе жизнь. Не возраст, а глубину.

Она не верит ему. Она верит глянцу. Чужим стандартам. Она сравнивает себя с двадцатилетними и проигрывает. Потому что играет не в ту игру.

Игра не в том, чтобы остановить время. Игра в том, чтобы прожить его так, чтобы каждая морщинка была поводом для улыбки, а не для грусти.

Ты смотришь на себя его глазами? Или только в зеркало?

P.S.

Изольда, если ты это читаешь: перестань сравнивать себя с двадцатилетними. Они нервничают.

10 спонтаность

Глава 10
Спонтанность
Голоса

«Десять лет вместе. Секс есть. Но какой? По расписанию. В субботу утром, пока дети смотрят мультики. Быстро, тихо, чтобы никто не проснулся. Я уже забыла, что такое — когда прямо сейчас, потому что захотелось. Мне кажется, я разучилась хотеть»

«Я люблю его. Честно. Но в постели всё предсказуемо. Миссионерская, пять минут, спасибо, дорогой. Я не жалуюсь. Просто иногда хочется, чтобы он посмотрел на меня иначе. Как тогда, в начале. Когда мы не могли оторваться друг от друга»

«Недавно он просто подошёл сзади, когда я мыла посуду. Обнял. И я почувствовала… что-то. Давно забытое. Я даже испугалась сначала. А потом повернулась и поцеловала его. Так, как не целовала уже сто лет. И мы… прямо там. На кухне. С открытым окном. Я думала, я уже не умею так. Оказывается, умею. Просто нужен был толчок. Импульс. Он»

«Я жду, когда он проявит инициативу. Не „ну что, пойдём?“ с вопросительной интонацией. А просто возьмёт. Без спроса. Без разрешения. Потому что я его женщина. И я хочу чувствовать это. Не когда „пора“, а когда он не может терпеть. Когда ему настолько нужно, что он готов взять меня где угодно. В поле. В бассейне, полном людей. Чтобы я знала: он хочет именно меня. Сейчас. Сильно. До дрожи»

О чём это говорит

Женщины устают от предсказуемости. От «субботы по расписанию». От «миссионерской, пять минут, спасибо, дорогой». Они хотят чувствовать себя выбранными. Не удобными, не привычными, не «ну а что ещё делать». Выбранными. Такими, от которых у него сносит крышу настолько, что он готов взять их где угодно — в поле, в бассейне, полном людей. Не потому что он извращенец. А потому что она — это она. И он не может ждать.

Спонтанный секс — это всегда про «здесь и сейчас». Про импульс, который сильнее планов, сильнее приличий, сильнее усталости. Это адреналин, страсть и чистое желание, не замутнённое бытом. И когда женщина чувствует это — она расцветает. Перестаёт сомневаться в себе. Перестаёт сравнивать себя с двадцатилетними. Она знает: он выбрал её. И он всё ещё хочет её так, что готов нарушить все правила.

Автор
Поле

Изольда сидит на пледе, поджав ноги. Белое платье разметалось по траве. Солнце просвечивает ткань, и я вижу контур её бёдер. Она щурится, улыбается чему-то в телефоне. Волосы растрепались. Одна бретелька сползла с плеча.

Я смотрю на неё и понимаю: не могу.

Не могу ждать до дома. Не могу ждать до вечера. Не могу терпеть. Внутри всё скручивается в тугую пружину — импульс, который сильнее разума.

— Вставай.

Она поднимает глаза. В них — удивление. И любопытство. И что-то ещё. То, что появляется, когда она чувствует: сейчас будет по-другому. Не как всегда.

— Куда?

Я не отвечаю. Беру её за руку, тяну вверх. Она подчиняется, но смотрит с вопросом. Я веду её в высокую траву, туда, где нас не видно с дороги. Она идёт, спотыкается, смеётся. Ещё не понимает. Или делает вид, что не понимает.

Я останавливаюсь. Разворачиваю её к себе спиной. Она замирает. Дышит часто. Я слышу, как колотится её сердце. Или это моё.

Мои руки ложатся на её бёдра. Сминают ткань белого платья. Поднимают выше. Выше. До талии.

Она не сопротивляется. Только упирается ладонями в ствол старой берёзы и выгибает спину.

— Здесь? — шёпотом.

— Здесь.

Я не спрашиваю. Я просто вхожу в неё. Резко. Глубоко. Она вскрикивает — не от боли, от неожиданности. От того, что я не спросил. От того, что взял. Прямо в поле. Прямо в белом платье. Как зверь, который не может терпеть.

Она двигается мне навстречу. Ритм сбивчивый, рваный, дикий. Её пальцы впиваются в кору. Я держу её за бёдра и вбиваюсь глубже, сильнее, жёстче. Трава вокруг примята. Платье задрано до плеч. Солнце печёт спину. И мне плевать на всё.

Я вижу, как напрягаются её соски под тонкой тканью. Они набухли, затвердели, проступают через белое — два напряжённых пика, кричащих о её возбуждении громче любых слов. Я накрываю её грудь ладонью, сжимаю. Она стонет громче. Её тело отвечает мне — влажное, горячее, живое.

Я чувствую каждую её пульсацию, каждый спазм, который сжимает меня внутри неё. Её тело обхватывает меня, как будто не хочет отпускать. Я чувствую каждую её венку, каждый микроскопический толчок изнутри — она пульсирует вокруг меня, сжимается и отпускает, сжимается и отпускает в ритме, который невозможно подделать.

Каждый её мах мне навстречу отдаётся у меня в позвоночнике. Как электрический разряд — от копчика до затылка. Я чувствую, как внутри меня всё сжимается в ответ. Мы движемся как одно целое — два тела, один ритм, одно бешеное желание.

И вот — оно начинается.

Не просто оргазм. Нечто большее. Как будто внутри неё взрывается сверхновая. Волна за волной — настоящие, рваные, неконтролируемые. Я чувствую, как внутри неё всё пульсирует, сжимается до спазма, отпускает и снова сжимается.

Её бьёт в экстазе — так, будто через неё пропускают ток. Разряд. Пауза. Снова разряд. Мышцы сводит судорогой, она хватает ртом воздух, как после долгого бега. Её тело выгибается дугой, пальцы впиваются в кору так, что костяшки белеют.

В голове у неё — белый шум. Ни одной мысли. Только ощущения — острые, яркие, на пределе. Как будто кто-то сорвал все предохранители разом. Короткое замыкание. И снова разряд. И снова.

И в этот момент я тоже взрываюсь. Внутри меня всё сжимается в одну точку, а потом — выстрел. Горячая волна прокатывается от паха до груди, до горла, до кончиков пальцев. Я рычу ей в затылок, вжимаясь до предела, оставляя в ней всего себя. Полностью. Без остатка.

Она кричит — и этот крик улетает в поле, в небо, в летний воздух. Птицы взлетают с деревьев. А мне всё равно.

Она затухает. Не сразу. Волны накатывают ещё и ещё — слабее, мягче, как эхо после грозы. Её тело обмякает в моих руках. Дыхание выравнивается. Она утыкается лбом в кору берёзы и молчит.

Я обнимаю её, прижимаю к себе. Её белое платье помято, в зелёных разводах от травы. Волосы растрёпаны. Она — самая красивая женщина на свете.

— Ты сумасшедший, — шепчет она.

— Только с тобой.

Бассейн

Зима. Термобассейн под открытым небом. Снег валит хлопьями — густой, белый, на метр ничего не видно. Горячая вода дымится, контрастируя с морозным воздухом. Вокруг — полно народу. Чужие люди. Незнакомые лица. Кто-то смеётся, кто-то пьёт глинтвейн у бортика, кто-то плавает мимо, не глядя.

Мы стоим по шею в воде. Снежинки тают на её плечах, на ресницах, на губах. Пар окутывает её. Она оглядывается — вокруг люди. Много. Чужие. Незнакомые. И от этого внутри всё сжимается. Страх. И возбуждение. Вперемешку.

Я подплываю сзади. Обнимаю. Она замирает.

— Ты с ума сошёл? Здесь же люди…

— Да. И никто не видит.

Мои руки скользят по её телу под водой. Она пытается отстраниться, но не может. Вернее, не хочет. Её дыхание сбивается. Она смотрит по сторонам — не смотрит ли кто. Но снег скрывает. Вода скрывает. Только её расширенные зрачки выдают.

Я вхожу в неё. Медленно. Под водой каждое движение — как в замедленной съёмке. Сопротивление воды делает всё иначе — глубже, тягуче, острее. Она кусает губу, чтобы не застонать. Вокруг — гул голосов, смех, плеск воды. А она — на грани. Каждое движение — риск. Каждый толчок — вызов.

Её пальцы впиваются в мои руки под водой. Она не может издать ни звука. Только дышит часто-часто. Только закрывает глаза, чтобы не выдать себя взглядом.

И от этого — ещё острее. Ещё горячее. Ещё запретнее.

Я чувствую, как она пульсирует вокруг меня. Вода искажает ощущения, делает их другими — более размытыми, но в то же время более глубокими. Каждый её спазм отдаётся во мне эхом. Я двигаюсь медленнее, чем хочу, чем могу, чем нужно — но именно эта медлительность сводит с ума.

Она кончает — без крика. Только дрожь по всему телу. Только ногти, впившиеся в мою ладонь. Только губы, приоткрытые в немом стоне. Я чувствую, как её тело содрогается в моих руках — волна за волной, беззвучно, но мощно. Её глаза распахнуты — в них плещется чистое, незамутнённое наслаждение пополам с ужасом быть пойманной.

И этот контраст — её тихий экстаз и гул чужих голосов вокруг — добивает меня. Я кончаю в неё, заглушая рык в её мокрых волосах. Вода принимает всё. Скрывает всё. Кроме наших глаз. Кроме нашего дыхания. Кроме того, что между нами только что произошло.

Вокруг — чужие люди. Никто не знает. Никто не видит. Только она. Только я. Только этот момент, который принадлежит нам одним в толпе незнакомцев.

Она поворачивается. Смотрит на меня. В глазах — ужас и восторг. Учительница начальных классов, которую только что трахнули в бассейне, полном людей. Серьёзное лицо. Но с огоньком. С тем самым огоньком, который говорит: «Я примерная девочка. Но только не с тобой».

Я улыбаюсь. Она качает головой, но уголки губ ползут вверх.

— Ты невозможный, — шепчет она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.